Руссов, Степан Васильевич.

МОИ МЫСЛИ

О

КРИТИКѢ

СОЧИНИТЕЛЯ ИСТОРІИ РУССКАГО НАРОДА НА ИСТОРІЮ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Печатано въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

1829 года.

Г. Гуровского

Печатать позволено:

Съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

С. П. Б. Ноября 10 дня 1829 года.

Ценсоръ *К. Сербиновичъ.*

Мои мысли о критикѣ сочинителя Исторіи Русскаго народа на Исторію Государства Россійскаго.

Въ XII книжкѣ Московскаго Телеграфа на нынѣшній 1829 годъ, напечатана рецензія на всѣ XII томовъ Исторіи Государства Россійскаго, сочиненной *Н. М. Карамзинымъ.* Авторъ сей рецензіи, весьма извѣстный Г. *Полевой*, обозрѣваетъ, не только Исторіографа и сочиненную имъ Исторію; но всѣ его творенія, всѣхъ критиковъ его и „*всѣхъ слѣпыхъ его приверженцевъ* (1) со всѣмъ съ другихъ сторонъ, и со всѣмъ особымъ отъ прочихъ критиковъ взглядомъ."

Рецензентъ-*Полевой*, наполнивъ 34 страницы выраженіями безъ связи, безъ причины, безъ смысла, противорѣчіями самыми грубыми, пышнымъ или по его выраженію, *восторженнымъ слогомъ* (2) доказываетъ, что „по объясненіямъ новыхъ мыслителей, Исторія (Geschiechte) въ высшемъ значеніи есть „повѣрка философскихъ понятій о мірѣ и человѣкѣ, и анализъ философскаго синтеза, а

(1) Собственныя слова всезрящаго Г. *Полевова*. В.

(2) Собственное выраженіе Г. *Полевова*. В.

„философія (Urgeschichte) открываетъ слѣды „человѣка въ таинственномъ востокѣ (3) и „въ пустыняхъ Америки, разсматриваетъ землю въ отношеніи къ небу и человѣка въ „отношеніи къ занимаемой имъ планетѣ, движимой въ пространствѣ и времени, а какъ „*Карамзинъ* не вышелъ изъ понятій своего „вѣка, въ которомъ еще не постигали ни „анализовъ, ни таинственнаго востока:" — То, рецензентъ *Полевой* (4) „возвышаетъ Исторіографа, можетъ быть, болѣе, нежели „осмѣлятся возвысить *самые слѣпые при„верженцы*; но возвышаетъ его съ отвѣтомъ, „или съ отчетомъ." —

Не слѣпая приверженность къ Исторіографу, но святая истина и благородное негодованіе обязываетъ насъ отвѣчать на сію рецензію; но, съ чего начнемъ мы? При возраженіи на другія рецензіи, надобно сличать ихъ съ разными книгами и лѣтописями; книги сличать съ разными ихъ изданіями, лѣтописи съ разными ихъ списками, съ мнѣніями ученыхъ и съ самымъ текстомъ, критически

(3) Стр. 476.

(4) Съ подлинными словами Г. *Полевова*, напечатанными въ N. XII M. T. 1829, на стр. 890 и 891 *вѣрно*, хотя многимъ покажется, послѣ вышесказаннаго, *невѣроятнымъ*. В.

разбираемой Исторіи. Принимаясь опровергать нелѣпыя сужденія Г. *Полевова*, это не нужно; тутъ все принадлежитъ самому рецензенту: справляться не льзя, не съ чѣмъ, не у кого! Между тѣмъ, мнѣнія рецензента явно несправедлевы. Что жь дѣлать? Для истины осталось одно: повѣрить мнѣнія рецензента съ другими его мнѣніями о тѣхъ же самыхъ предметахъ, и въ той же самой рецензіи находящимися. И вотъ они!

Рецензентъ восклицаетъ: „Великій *Карамзинъ!* Великій *Карамзинъ!* (5) не хотимъ „унижать Исторіографа, кромѣ его исторіи „не будетъ рѣшительно другаго творенія, „столь великаго, обращающаго на себя столь „сильное всеобщее вниманіе отечественной публики (6)." —

Почему же великъ Карамзинъ, *и почему*, *кромѣ его Исторіи*, *рѣшительно не будетъ другаго творенія столь великаго?* — „Потому, „отвѣчаетъ тотъ же самый рецензентъ- „*Полевой*, —что цѣлая половина каждой стра- „ницы его творенія во многихъ отношеніяхъ „подлежитъ критикѣ, что истинная идея

(5) Въ М. Т. кн. XII, стр. 500; (6) Тамъ же стр. 468, Дѣйствительно *Н. А. Полевой* написалъ это. Мы сличали. В.

*

„Исторіи Историографу недоступна, что „онъ даже въ названіи его творенія ошибся (7).“

Далѣе, рецензентъ говоритъ: „*Карамзинъ*, „проникнутый современнымъ просвѣщеніемъ „Европы, смѣлымъ и дѣятельнымъ умомъ „своимъ двинулъ современниковъ впередъ и, „оставивъ ихъ токмо каменщиками, самъ былъ Зодчимъ и великмъ Зодчимъ.“ — *Почему Исторіографъ былъ великимъ въ отношеніи къ исторіи Зодчимъ?* — „Потому, отвѣ„чаетъ рецензентъ, — что въ цѣломъ его объ„ёмѣ исторіи, вы не видите, какъ исторія „Россіи примыкаетъ къ исторіи человѣче„ства: всѣ части оной отдѣляются одна „отъ другой, и жизнь Россіи остается для „читателя неизвѣстною, онъ утомляетъ „подробностями неважными, ничтожными; „не ищите въ немъ высшаго взгляда на со„бытія, нѣтъ у него понятія“ и проч.

Далѣе, рецензентъ говоритъ совершенно справедливо: „что *Карамзинъ* не имѣлъ несчастія „пережить таланть свой.“ — *Почему же Карам-*

(7) Мы свѣряли всѣ сужденія и мнѣнія Г. *Полевова*, во всей этой статьѣ отмѣченныя, и можемъ увѣрить своихъ читателей, что ни одного чужаго слова, ни одной посторонней мысли здѣсь не прибавлено и не искажено. Теперь подивимся противорѣчіямъ издателя М. Т. самому себѣ! В.

зинъ не пережилъ своего таланта? — „Потому, „отвѣчаетъ тотъ же самой рецензентъ, „что *Карамзинъ* литераторъ, философъ, историкъ прошедшаго вѣка, прежняго, не нашего поколѣнія, его исторію не можемъ мы „назвать твореніемъ нашего времени, и даже „исторіею, всѣ сочиненія и труды *Карам*„*зина*, кромѣ исторіи, имѣютъ достоинство „только историческое.“ —

Спросимъ же у рецензента: *почему не можемъ мы назвать Исторіи Карамзина твореніемъ нашего времени и даже исторіею?* — „Потому, отвѣчаетъ онъ, что она составляетъ честь и красу нашего (XIX) вѣка, и „будетъ удивленіемъ, честью и хвалою нашею; потому, что *Карамзинъ*, давъ исторіи живительное начало, оставилъ руководство всѣмъ своимъ послѣдователямъ.“ —

Рецензентъ утверждаетъ: „что *Карамзина* „должно почесть писателемъ образцовымъ, „единственнымъ, неподражаемымъ.“ — *Почему?* „Потому, отвѣчаетъ тотъ же ренцензентъ, — „что все представлено у него невѣрно и „превратно и не можетъ онъ быть образцомъ ни поэта, ни романиста, ни даже прозаика Русскаго.“

Рецензензентъ-*Пол·вой* продолжаетъ: „*Ка-*„*рамзинъ* до конца поприща своего сохранилъ „ясность и вѣрность въ частныхъ означеніяхъ.“ *Почему сохранилъ Карамзинъ ясность и вѣрность въ частныхъ означеніяхъ?* — „Потому, „отвѣчаетъ тотъ же рецензентъ - *Полевой*, „что Киммеріанъ, Скифовъ, Гунновъ, Аваровъ, „Славянъ *Карамзинъ* ведетъ черезъ сцену, какъ Китайскія тѣни, нигдѣ не представ-„ляетъ духа народнаго, не изображаетъ мно-„гочисленныхъ переходовъ его; не можете по-„ложиться на него, гдѣ должно сообразить „характеръ лица, духъ времени.“ —

Рецензентъ сожалѣетъ „что мы, имѣя ис-„торію *Карамзин*, не имѣемъ исторіи, пи-„санной съ философскимъ умомъ, съ крити-„кою и съ благороднымъ краснорѣчіемъ.“ *Почему?* осмѣливаемся спросить его. — „Пото-„му, отвѣчаетъ тотъ же самый рецензентъ, „что *Карамзинъ*, бывъ критикомъ лѣтопи-„сей и памятниковъ, описываетъ событія, „какъ критикъ благоразумный, какъ человѣкъ „знающій подробности ихъ весьма хорошо, и „что краснорѣчіе его очаровательно до то-„го, что читая его, убѣждаетесь неизъясни-„мою силою слога, а въ XII томѣ есть мѣ-

„ста изумляющаго краснорѣчія." —

Рецензентъ продолжаетъ: „Безъ Историо-„графа началось въ Россіи изученіе исторіи, „сообразно новымъ идеямъ." — *Гдѣ же тогда былъ Историографъ?* — „Историографъ, „отвѣчаетъ тотъ же рецензентъ, посвящалъ „все время и труды свои исторіи Отече-„ства: былъ критикомъ лѣтописей и памят-„никовъ, приводилъ ихъ въ порядокъ, былъ „Генеалогомъ, Хронологомъ, Палеографомъ, Ну-„мизматомъ." —

Рецензентъ говоритъ: „*Карамзинъ* не вы-„держиваетъ сравненія съ великими истори-„ками прошедшаго вѣка: *Робертсономъ*, *Юмомъ*, „и прочими." — „*Почему?* „Потому, отвѣ-„чаетъ тотъ же самой рецензентъ, что „жизнь Митрополита *Филиппа*, жизнь Царе-„вича *Іоанна*, и самаго *Іоанна IV*, избраніе „*Годунова*, низверженіе *Самозванца* суть мѣ-„ста исторіи *Карамзина* неподражаемо на-„писанныя; они станутъ наряду съ самыми „краснорѣчивыми строками *Ѳукидидовъ*, *Ли-„віевъ*, *Робертсоновъ и прочихъ*."

Рецензентъ-*Полевой* утверждаетъ, — „что „*Карамзинъ* не былъ Геній огромной, вѣко-„вой." — *Почему?* — „Потому, отвѣчаетъ

„тотъ же *Полевой*-рецензентъ, — „что онъ „былъ человѣкъ большаго ума, самъ себя перевоспиталъ, шелъ у всѣхъ впереди, увлекъ „съ собою современниковъ; его исторія есть „лѣтопись, написанная мастерски, художни„комъ таланта превосходнаго, изобрѣтатель„наго (8).“

При семъ любопытно узнать отъ рецензента причину: *почему лѣтопись написана Карамзинымъ мастерски? Или, почему она написана художникомъ таланта изобрѣтательнаго?* — „Потому, объясняетъ тотъ же „рецензентъ, что лѣтопись, *Карамзинымъ* „написанная, есть галлерея портретовъ, по„ставленныхъ въ одинакія рамки, нарисован„ныхъ не съ натуры, но по волѣ художника, „и одѣтыхъ также по его волѣ.“

Далѣе рецензентъ увѣряетъ, — „что *Ка„рамзинъ* великъ только для нынѣшней Рос„сіи и въ отношеніи къ нынѣшней Россіи.“ — *Почему же Карамзинъ*, или, какъ выше сказано, *честь и краса, хвала и удивленіе нашего вѣка, великъ только для нынѣшней Россіи?* — „Потому, отвѣчаетъ тотъ же ре„цензентъ, что онъ писатель не нынѣшняго

(8) Какъ же иначе опредѣлитъ онъ Генія? В.

„вѣка, что его исторія и другія сочиненія, „въ отношеніи къ современнымъ (т. е. ны- „нѣшнимъ) требованіямъ нашей литературы, „не удовлетворительны."

Г. *Полевой*-рецензентъ утверждаетъ, что „съ *Мининымъ* (Нижегородскимъ граждани- „номъ) началась исторія Россіи, какъ Госу- „дарства." — *Почему же такъ поздно?* — „Потому, отвѣчаетъ тотъ же рецензентъ, „что до *Іоанна III* была не Россія, но Госу- „дарство." —

Г. *Полевой* упрекаетъ *Карамзина* въ томъ, „что у него не видно: какъ исторія Россіи „примыкаетъ къ исторіи человѣчества." *Карамзинъ* исторію Россіи примыкаетъ къ исторіи человѣчества повѣствованіемъ о прехожденіи древнихъ ея народовъ; но тотъ же самой рецензентъ сіе повѣствованіе т. е. о прехожденіи древнихъ народовъ называетъ для Русской исторіи постороннимъ, излишнимъ.

Кажется, рецензентъ со всѣмъ не думалъ о томъ, что писалъ, напр., увѣдомивъ читателей своихъ, что смерть остановила *Карамзина* въ его исторіи на 1611 году, тогда же укоряетъ его, за чѣмъ онъ не сказалъ, ка-

кимъ образомъ Россія въ XVIII вѣкѣ вступила въ систему Европейскихъ Державъ, и какъ она въ XIX вѣкѣ дѣйствовала (9). Рецензентъ дважды упрекаетъ *Карамзина* въ томъ, о чемъ долженствовалъ онъ только изъявить глубокое прискорбіе.

Послѣ всѣхъ сихъ противорѣчій, и тѣхъ, о коихъ говорено будетъ ниже, рецензентъ, какъ человѣкъ большова свѣта, разсыпается въ извиненіяхъ, что строго судилъ *Карамзина*. И напрасно! Это не строгость, это просто нелѣпость, или, по собственному выраженію рецензента-*Полевова:* изліяніе разстроеннаго воображенія.

Рецензентъ говоритъ: „Не можно оцѣнить „достойно смѣлость *Карамзина*, необыкно„венный умъ виденъ въ каждомъ его литера„турномъ предпріятіи, онъ угадывалъ по„требности своего времени и умѣлъ удовле„творить имъ." — *Въ чемъ же именно видѣнъ необыкновенный умъ Карамзина, и чѣмъ онъ умѣлъ удовлетворить своему времени?* — „Тѣмъ, отвѣчаетъ рецензентъ тутъ же и точно сими словами:" тѣмъ, что въ 1790 году думалъ и писалъ." Но въ 1790 году мы-

(9) Стр. 484.

слили и писали: *Державинъ*, *Дмитріевъ*, *Капнистъ*; *М. Н. Муравьевъ*, *Шубертъ*, *Палласъ*, *Бецкій*, *Эйлеръ*, и многіе, весьма многіе.

Рецензентъ спрашиваетъ самъ у себя: „Настало ли для него время сужденія о *Карамзинъ*?" — И самъ себѣ отвѣчаетъ: „Настало; потому что уже три года прошло, „какъ всѣ земныя отношенія, всѣ личныя „пристрастія погребены въ могилѣ незабвеннаго." Тутъ забавно чистосердечное покаяніе Г. *Полеваго* въ томъ, что всѣ его журнальныя сужденія о живыхъ писателяхъ суть изліянія личнаго пристрастія и отношеній!

Рецензентъ, на стр. 473, утверждаетъ: „что въ послѣднія 25 лѣтъ все измѣнилось „и въ политическомъ и въ литературномъ „мірѣ: философія, теорія словесности, поэзія, „исторія, знанія политическія, все преобразовалось." На стр. 475, онъ же повторяетъ: „Истинныя, по крайней мѣрѣ, современныя „намъ идеи философіи и поэзіи явились въ „послѣднія 25 лѣтъ."

Слушая такія пышные похвалы XIX вѣку, можно вообразить, что въ теченіе послѣднихъ двадцати девяти годовъ родились: *Гомеръ*, *Горацій*, *Тассъ*, *Фенелонъ*, *Лёсажъ*, *Гёте*,

Шекспиръ, *Ксенофонтъ*, *Тацитъ*, *Монтескьё*, *Невтонъ*; а на поверку выдетъ, что въ этотъ промежутокъ времени процвѣли *Ксенофонтъ Кустанный*, *Полевой* и *Булгаринъ!* Въ послѣднее двадцати пяти-лѣтіе сдѣлано нѣсколько открытій, рѣшено нѣсколько вопросовъ, введено нѣсколько новыхъ терминовъ, и всё по идеямъ и теоріямъ, существовавшимъ до послѣдняго двадцати-пяти-лѣтія, и если бы рецензентъ имѣлъ понятіе, что значатъ идея (понятіе), теорія (умозрѣніе); то бы самъ надъ мнѣніями своими расхохотался.

Рецензентъ (стр. 176) написалъ между прочимъ: „Исторія въ высшемъ значеніи есть „анализъ философскаго синтеза.“ Онъ хотѣлъ пощеголять учеными терминами; но порядокъ, въ какомъ они слѣплены, обличаетъ рецензента въ невѣжествѣ; ссылаюсь на послѣдняго ученика, который слушалъ логику.

Рецензентъ на 485 стр. говоритъ: „Ка„*рамзинъ* не прагматикъ.“ А на 486 стр. повторяетъ: „*Карамзинъ* прагматикъ не нашего „вѣка.“ *Почему?* „Потому отвѣчаетъ рецен„зентъ (стр. 478), что прагматическая ис„торія разсматриваетъ событія какого либо „государства въ отношеніи къ системѣ го-

„сударствъ, въ коей оно заключалось, и сію „систему во всеобщей исторіи (государствъ) „народовъ, сводитъ всѣ событія на причины, „и открываетъ связь сихъ причинъ съ дру„гими, поясняя причины событіями и обра„тно, поясняя чрезъ то исторію человѣче„ства въ томъ мѣстѣ, вѣкѣ, предметѣ, ко„торый историкъ избралъ." Ссылаюсь на весь міръ ученый: есть ли въ семь пустословіи, хотя одно слово, принадлежащее къ дѣлу? Слово: *прагма* значитъ *дѣло* въ смыслѣ дипломати-ческихъ и гражданскихъ актовъ; слѣдствен-но, *прагматическая исторія* естъ та часть всѣхъ исторій и повѣствованій, которая ос-нована точно на дипломахъ, грамотахъ, дого-ворахъ, донесеніяхъ и прочихъ дѣловыхъ бу-магахъ. Дѣловой актъ показываетъ самъ со-бою все то, за чемъ рецензентъ мечется взадъ и впередъ, по сторонамъ и ко всему человѣчеству. Г. *Полевой*, не имѣя понятія о томъ, что есть прагматическая исторія: можетъ ли рѣшить, что *Карамзинъ* не праг-матикъ?

На стр. 482. Рецензентъ мысли *Карамзина* объ исторіи называетъ опредѣленіемъ; но

мысли и опредѣленія суть двѣ вещи со всѣмъ разныя.

Рецензентъ, на стр. 447, раздѣляетъ исторію не на виды, а на формы; но видъ и форма въ литературномъ смыслѣ также двѣ вещи разныя, и вотъ еще доказательство крайней ограниченности рецензента. Онъ, не имѣя понятія, что есть исторія, не разумѣя даже, что есть самое опредѣленіе, могъ ли рѣшить, что *Карамзинъ* не историкъ? Замѣтимъ на той же самой 477 стр. еще выраженіе рецензента: „Частныя исторіи показываютъ философу какое мѣсто *въ мірѣ вѣчнаго бытія* „занималъ тотъ, или другой народъ.“ И это дважды не такъ! И это перепутано!

Рецензентъ (стр. 496) восклицаетъ: „*Карамзинъ* говоритъ по лѣтописямъ и нейдетъ далѣе. Придетъ ли событіе по годамъ, „*Карамзинъ* описываетъ его и думаетъ, что „исполнилъ долгъ свой.“ — *А какъ же должно?* Рецензентъ требуетъ, чтобы вся Русская исторія переработана была по новымъ идеямъ послѣдняго двадцати-пяти-лѣтія, т. е. чтобъ дѣянія героевъ и народа представлены были не такъ, какъ описаны въ лѣтописяхъ, но какъ они видны *съ под-*

земными фитилями (стр. 495), *чтобы мы были не мы*, и *чтобъ наше было не наше*; (стр. 489), *чтобы отечество, добродѣтель, геройство получили названія со всѣмъ новыя* (стр. 497); *надобно* (стр. 481) *узнать классицизмъ и романтизмъ; надобно было даже родиться Шиллеру* (трагику и лирику), *Цшоке* (сказочнику), *Гёте* (поэту) и *Вальтеръ-Скотту* (сочинителю многихъ романовъ и, между прочими, романа о *Наполеонѣ*), дабы мы могли наконецъ понять, что есть исторія и какъ писать ее; надобно, чтобъ историческія событія семи вѣковъ подведены были подъ одно начало, т. е. чтобы тысячи разныхъ дѣйствій происходили отъ одной причины, чтобы части исторіи одна отъ другой не отдѣлялись; ибо эпохи, періоды, главы, какъ кажется, рецензентъ почитаетъ изобрѣтеніемъ варварскимъ, которое употребляли люди, подобные *Робертсону* и *Карамзину*; которымъ, какъ уже уже доказалъ Г. *Полевой* — *не доступна была исторія*.

Когда кто нибудь напишетъ Русскую исторію безъ хронологіи и на обумъ, а не принимая въ основаніе лѣтописи, договоры и другія дѣловыя бумаги: тогда только читате-

лямъ „жизнь Россіи будетъ извѣстна, пото-
„му что различіе вѣка и времени каждаго „предмета есть истинное мѣрило вѣрности „сужденія о каждомъ предметѣ.“

Рецензентъ-*Полевой* (стр. 499), не краснѣя утверждаетъ,—„что онъ предъ другими по-„читателями великаго *Карамзина* имѣетъ „преимущественное право говорить о дос-„тоинствахъ и недостаткахъ его.“—*Почему же только онъ?* — „Потому, отвѣчаетъ Г. „*Полевой* на той же страницѣ, — что я по-„свящалъ себя отъ самой юности занятію „исторіею.“ Кто же изъ учившихся не по-свящалъ себя сему необходимому для каждаго образованнаго гражданина занятію? Но этаго самохвальства показалось Г. *Полевому* мало, и такъ онъ прибавляетъ (стр. 491) слѣдующее: „Слава, которую единодушно отдаетъ какой „либо народъ одному человѣку, не бываетъ „ошибкою; ибо сей одинъ, если онъ пріобрѣлъ „такую славу, есть истинный представи-„тель народа, его прославляющаго, онъ со-„впадаетъ съ народомъ (куда?) и превышаетъ „его.“ стр. 477. „Народы живутъ въ пред-„ставителяхъ, двигающихъ грубый мате-„ріалъ и образующихъ изъ него отдѣльные

„нравственные міры.“ По моему мнѣнію, буквальный смыслъ сихъ изреченій есть слѣдующій: Кого единодушно славитъ народъ, тотъ истинный его представитель, а представитель можетъ играть народомъ, какъ шашками глиняными или восковыми, и лѣпить изъ нихъ такія фигуры, какія ему будетъ угодно. Тутъ рождается довольно любопытный вопросъ: *Кто можетъ именемъ народа отдать кому нибудь единодушную славу и тѣмъ посвятить его въ представителя?* И рецензентъ (стр. 468) разрѣшаетъ,—„что журналы, его тѣмъ „долженствуя быть зеркаломъ современнаго „просвѣщенія, современныхъ мнѣній, должны „передавать Публикѣ голосъ людей высшаго „образованія, ихъ взглядъ на предметы важ-„ные.“ И такъ, Гг. *Полевой*, *Гречь*, *Булгаринъ* суть представители народныхъ представителей и передаютъ намъ голосъ людей высшаго образованія, ихъ взглядъ на предметы важные. Увы! они передаютъ этотъ голосъ фальшиво, взглядъ ихъ косъ, а зеркало криво.

Рецензентъ (стр. 469) разглагольствуетъ: „Пора изгнать мѣстничество въ литерату-„рѣ, какъ изгнанъ сей гибельный предразсу-

„докъ изъ гражданскаго нашего быту." И на той же страницѣ продолжаетъ: „Мы должны „истребить полемику, безславящую хороша„го литератора, и предоставить ее тѣмъ „людямъ, которые хотятъ сдѣлаться из„вѣстными, хотя бы безславіемъ." Не уже ли Г. *Полевой* вѣритъ, что съ истребленіемъ мѣстничества, котораго впрочемъ и нѣтъ у насъ между писателями, истребится и разница между людьми грамотными и безграмотными, скромными и нахалами? Нѣтъ; оно вѣчно останется; также какъ, по истребленіи мѣстничества, осталось дворянское достоинство, купленное кровью и заслугами предковъ ихъ правнукамъ. Г. *Полевой* проповѣдуетъ о надобности истребить непристойную журнальную брань? Но пусть онъ начнетъ: онъ *первый* и *единый* посягнулъ на славу *Карамзина*, усиливался помрачить славу *Ломоносова*, увѣряя, будто бы онъ писалъ свои оды по заказу; онъ говорилъ: что *Жуковскій* вреденъ успѣхамъ отечественной поэзіи, что онъ односторонenъ, что онъ завелъ насъ въ Германію; Г. *Полевой*, истребительною рукою, покушался сорвать лавры съ безсмертнаго чела *Державина*, *Крылова*, *Дмит-*

рѣева, Козлова, осмѣлившись сказать, что прежде стихотворенія *А. С. Пушкина* подъ названіемъ *Полтава*, не было въ Россіи ни одного Русскаго сочиненія.

Рецензентъ (469 стр.) повторяетъ то, что уже сто разъ прежде него было написано: „Критика справедливая и скромная судитъ не объ авторѣ, но о книгѣ и далека „отъ того, что многіе у насъ почитаютъ „критикою, такъ далека, какъ небо отъ земли." Въ примѣръ такой грубой, придирчивой критики можемъ представить, напечатанныя въ Моск. Телеграфѣ: 1) на водевили, *А. И. Писарева;* 2) на вѣстникъ Европы; 3) на Московскій Вѣстникъ; 4) на Дамскій журналъ; 5) на Галатею; 6) неприличную, чтобы не сказать болѣе, для сочинителя исторіи Русскаго народа, статью на знаменитаго сочинителя исторіи Государства Россійскаго. Вотъ этаго рода критикъ не существовало на св. Руси за 25 лѣтъ предъ симъ, это горькая новость въ отечественной нашей словесности!

Мы бы могли наговорить здѣсь еще сто страницъ; могли бы сказать, что привыкли уже видѣть кривые, невыгодные толки о Рос-

сіи и обо всемъ хорошемъ Русскомъ въ иностранныхъ журналахъ, завидующихъ могуществу, славѣ, благоденствію нашего отечества; но чтобы Россіянинъ называлъ своихъ предковъ разбойниками, утверждалъ, что Россійская исторія началась отъ Нижегородскаго купца *Минина* въ XVI вѣкѣ (тогда, какъ Россійское Государство существуетъ съ IX), чтобы онъ ставилъ въ вину историку уваженіе къ предкамъ, вѣрность его повѣствованія съ лѣтописями, краснорѣчіе, за кои онъ увѣнчанъ Царями и народомъ . . . этаго, признаюсь, не могу слышать безъ досады, безъ негодованія.

Но мы забыли, что Г. *Полевой* самъ смастерилъ исторію народа Русскаго и въ XII же томахъ, какъ исторія Государства Россійскаго. Подождемъ выхода въ Свѣтъ сего важнаго труда. Мы увѣрены, что сіи двенадцать томовъ будутъ самою лучшею похвалою для *Карамзина*, и самымъ сильнымъ опроверженіемъ всѣхъ обвиненій, взводимыхъ на знаменитаго Исторіографа безызвѣстнымъ авторомъ сказочки: *Кирдяпа* и весьма извѣстнымъ творцемъ вещественныхъ и невещественныхъ бредней.

Взято изъ N. XLVIII и XLIX Военно-Литтературнаго Журнала Славянинъ.

2007044026